

Воскресенье, 24-го октября 1904 года.

Декабристы въ Забайкальѣ.

Одну изъ наиболѣ яркихъ и драматическихъ страницъ русской исторіи новаго времени составляетъ известное всѣмъ „дѣло декабристовъ“—14 Декабря 1825 года. Почти восемьдесятъ лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ этой эпохи; ни одного изъ участниковъ нѣтъ уже нѣтъ на свѣтѣ, но эпоха эта еще ждетъ своего историка, чтобы истолковать и осветить внутреннюю связь событій, нарисовать правдивой широкой кистью интереснѣйшія фигуры дѣйствующихъ лицъ и разказать современникамъ много поучительнаго изъ области прошлаго.

Исторія декабристовъ, повторю, еще ждетъ своего историка; но врядъ ли мы его увидимъ въ скоромъ времени. Хотя въ литературѣ мы уже имѣемъ кое что объ этой эпохѣ, но въ очень ограниченномъ размѣрѣ. А между тѣмъ, если еще далеко не пришло время полной и безпристрастной оцѣнки этой эпохи и ея дѣятелей, то надо удивляться, какъ еще мало опубликовано матеріаловъ о ней. И въ этомъ отношеніи еще многое предстоитъ сдѣлать. Каждая мелочь въ ней, каждое воспоминаніе, каждый новый штрихъ въ оцѣнку участниковъ 14 Декабря долженъ быть интересенъ всему русскому обществу. Сибирь, которая для декабристовъ стала второй родиной, хотя и неодолимой, гдѣ многимъ изъ декабристовъ пришлось и окончить свою жизнь, должна дать многое. Сибирь и сибиряки связаны съ памятью объ этихъ людяхъ и уваженіемъ къ тѣмъ заслугамъ и тому культурному вліянію, которое они оказали на ея жизнь. Еще не время оцѣнить это вліяніе, нѣтъ къ тому достаточно матеріаловъ, но будущее скажетъ свое вѣское слово. Нынѣ, пока время еще не ушло, нужно напомнить, чтобы всѣ, кто можетъ, собрали и сохранили всѣ матеріалы, касающіеся до жизни декабристовъ въ Сибирь; и въ томъ же будетъ ихъ заслуга.

Настоящіе очерки, къ сожалѣнію, не даютъ ничего новаго о жизни декабристовъ въ Забайкальѣ, что не было бы опубликовано ранѣе. Мы воспользовались только любезнымъ разрѣшеніемъ мѣстнаго общественаго дѣятеля, забайкальскаго старожилы А. К. Кузнецова, познакомились съ его интересной коллекціей фотографій изъ жизни декабристовъ въ Забайкальѣ, снабдивъ ихъ кое какими поясненіями, чтобы нарисовать предъ читателями хотя краткую, но связанную картину и дать маленькую вступительную эту эпоху. Только въ этомъ и состояла наша задача въ надеждѣ возбудить интересъ къ собранію матеріаловъ о жизни декабристовъ въ Сибирь.

I. Декабристы въ Читѣ.

12 іюля 1826 г., какъ извѣстно, объявленъ былъ приговоръ Верховнаго Уголовнаго Суда, коимъ были приговорены къ тѣлеснымъ наказаніямъ 121 человекъ. 13 іюля казнены были Пестель, Рынкевъ, Сергій Муравьевъ-Андреевъ, Востужевъ-Рюминъ и Наховскій. Въ тотъ же день закованныхъ въ кандалы отправили въ Нерчинскіе рудники Оболенскаго, Трубинскаго, Волконскаго, Давыдова, Якубовича, Артамона Муравьева и двухъ братьевъ Борисуковыхъ. Скорѣй послѣ нихъ стали отправлять партіи по четыре человека всѣхъ приговоренныхъ на поселеніе (18 человекъ) и въ солдаты въ „далние гарнизоны“ (9 человекъ) по крѣпостямъ и острогамъ.

Въ августѣ отправка всѣхъ осужденныхъ на каторжные работы, однако, была приостановлена. Опасаясь возстанія въ большихъ заводахъ, правительство не хотѣло соединить многихъ какъ въ Нерчинскѣ, такъ и по другимъ рудникамъ, и рѣшило принять особая мѣры. Въ августѣ же былъ за-

наченъ командиръ Конно-Егерскаго полка полковникъ Станиславъ Романовичъ Лепарскій командантомъ Нерчинскихъ рудниковъ и ему было поручено выбрать особое мѣсто въ Забайкальѣ для устройства временнаго острога, пока назначена будетъ другая мѣстность для постройки обширной тюрьмы съ одиночными камерами.

Лепарскій избралъ для временнаго острога Читѣ. Читѣ того времени представляла небольшое поселеніе съ ветхою деревянною церковью (сохранившейся и нынѣ). Жители Читы были малочисленные и бѣдные, какъ всѣхъ заводскихъ крестьяне, жили они въ двадцати избышкахъ, занимаясь хлѣбопашествомъ и рыбными промыслами. Обязанности и заводская работа крестьянъ состояла въ выжиганіи угля и въ доставкѣ его въ Нерчинскіе рудники. Кромѣ старой церкви и этихъ двадцати избывъ въ Читѣ тогда находился домъ горнаго чиновника Смолянинова, который былъ непосредственнымъ начальни-

пускала имъ провiантъ по 2 мѣдныхъ копейки на человека въ сутки.

Осенью 1827 года новый временный острогъ былъ готовъ, и всѣхъ декабристовъ соединили въ немъ, всѣхъ было 82 человекъ. Острогъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ, гдѣ распредѣлены заключенныхъ, затѣмъ изъ общихъ свѣи и дежурной для офицера.

Вмѣсто наръ, какъ было въ первомъ острогѣ, было разрѣшено завести декабристамъ на собственныя деньги кровати; кровати были удобнѣе и чище наръ, подъ ними можно было и мыть, и мести. Столъ былъ общій, обѣдали по своимъ комнатамъ, накрывали столы по очереди, самовары ставили сами. Для удовлетворенія нуждъ общихъ и частныхъ было дозволено декабристамъ изъ своей среды избрать старосту, который обращался самъ къ дежурному офицеру или черезъ его посредство къ коменданту. Староста избирался на три мѣсяца и заведывалъ всѣмъ хозяйствомъ: онъ закупалъ провiантъ черезъ посредство комендантской канцелярши, ходилъ въ кухню, кладовую, въ сопровожденіи коновойнаго, т. е. кухни съ кладовой находились саженьхъ въ 20 отъ острога. Обѣды были простыя: щи, каша, пили воду, квасъ. Между узниками были люди небогатыя и забытыя своими родными, были наоборотъ и тѣ, которые, кромѣ посылки, получали въ годъ по нѣсколькимъ тысячамъ рублей. Имущіе дѣлили все поровну съ неимущими. Одежда и платье носили собственныя; нѣкоторые сами кроили и шили платье, нѣкоторые шли фуражки и даже обувь.

Отъ мая до сентября декабристы производили земляныя работы—исправили почтовую дорогу, работали въ своемъ огородѣ (читинскіе жители отъ нихъ впервые научились сажать огурцы; въ парникахъ, прижмутивъ къ южной стѣнѣ острога, декабристы выращивали даже арбузы, спаржу, дыни, цвѣтную капусту). Отъ сентября до мая декабристы должны были каждый молотъ по 2 пуда ржи на ручной мельницѣ ежедневно. Запирали острогъ въ 9 часовъ вечера и наступала сразу ночь, т. е. свѣтъ нѣтъ не полагалось. Дневъ въ свободные отъ работъ часы декабристы занимались чтеніемъ; кромѣ журналовъ и га-

Чита. Береговая часть, въ которой жили декабристы.

комъ горнозаводскихъ крестьянъ, затѣмъ небольшой хлѣбный магазинъ и такой же амбаръ для своа угольевъ. Такъ какъ Читѣ лежала на пути въ каторгу, то мѣстою ночлега для проходящихъ ссыльныхъ каторжниковъ партій были старинный Читинскій острогъ. Этотъ то острогъ послужилъ пріютомъ и для декабристовъ, назначенныхъ въ Читѣ. Сначала въ Читѣ прибыло всего 30 декабристовъ, изъ остальныхъ, какъ было сказано выше, восемь человекъ было отправлено въ Нерчинскіе рудники, другіе содержались въ крѣпостяхъ и должны были прибыть въ Читѣ, какъ только окончится постройка новаго временнаго острога. Первые читинскіе декабристы были помѣщены сначала въ двухъ крестьянскихъ домахъ; для предосторожности дома обнесли частокотами и узники могли видѣться другъ съ другомъ только на работахъ. Работа началась немедленно: декабристы сами строили себѣ новый острогъ, большой, который могъ бы вмѣстить, хоть и въ тѣнотѣ, всѣхъ ихъ товарищей; рыли мѣсто для фундамента для частокота, заваливали глубокой ровъ около самаго почтоваго тракта, сдѣлали тамъ бревенчатую плотину. Заключенныхъ держали въ окошкахъ, въ окошкахъ они и работали. Каждый день, кромѣ воскресныхъ, въ назначенную часть, въ острогъ входили карульные унтер-офицеры съ возгласомъ: „Господа! покажите на работу!“ Декабристы выходили бодрые, съ пѣснями, работали безъ принужденія, чѣмъ были обязаны своему коменданту Лепарскому, который давалъ узникамъ, утомленнымъ долгою дорогой и еще болѣе утомительнымъ сидѣніемъ въ крѣпостяхъ. Въ первые четыре мѣсяца декабристы доставали себѣ пищу на свои собственныя деньги черезъ горнаго чиновника Смолянинова, казна от-

Чита. Домъ декабриста С. Г. Волконскаго (1886 годъ).

зеть, какъ русскихъ такъ и иностранныхъ, у нѣкоторыхъ декабристовъ образовалась хорошая библиотечка; въ долге зимне время наиболѣе образованные собирали вокругъ себя товарищей и читали имъ лекціи физики, химіи, анатоміи, стратегіи и тактики, высшей и прикладной математикѣ; преподавали иностранныя языки. Черезъ годъ во дворѣ острога были выстроены два дома: въ одномъ помѣстили токарный, столярный и перешитный станки; въ другомъ фортепiano, туда ходили играть по очереди на скрипкѣ, на флейтѣ и на гитарѣ. Нѣкоторые занимались живописью. Картежная игра, по единогласному уговору, была запрещена. Въ концѣ сентября 1828 г. комендантъ, войдя въ острогъ въ парадной формѣ, собралъ

всех узников в кружок и объявил, что Государь, во внимание к их поведению, Всемилостивейше приказал снять с них кандалы.

Четыре года прожили декабристы в Чите и жизнь для большинства из них была бы совер-

Чита. Старая церковь. (В ограде могилы декабристов — снимок 1874 г.).

шенно одинока и безотраднa, если бы не подкрѣпляла и не поддерживала их товарищеская любовь. Но среди них были счастливы, правды, сдѣланы, но все же были тѣмъ, за которыми сразу поѣхали въ добровольную ссылку самые дорогие и близкіе для них люди — ихъ жены, героини и гордость русскаго народа.

Первая изъ жёнъ декабристовъ, проложившая дорогу въ дальнюю Сибирь, была княгиня Трубецкая, подвиги которой воспѣты поэтомъ Некрасовымъ въ его известной повѣсти «Русскія Женщины». Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая, урожденная графиня Лаваль, еще въ 1826 году, точнѣе по отпавкѣ мужа изъ Петропавловской крѣпости, первая изъ всѣхъ жёнъ декабристовъ, отправилась вслѣдъ за мужемъ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ отъѣзда княгини Трубецкой изъ Петербурга выѣхала княгиня Марія Николаевна Волконская, дочь знаменитаго героя 1812 г. Раевского.

Эти первая жены декабристовъ перенесли много невзгодъ, положеніе ихъ было очень тяжелое; переезда ихъ на разстояніи 7000 в. шла медленно, родные ихъ не знали, куда высылать имъ деньги, отчего онѣ терпѣли въ первое время большія лишения и недостатки. Онѣ должны были и ѣхать дальше, чѣмъ остальныя жены декабристовъ, — а

неважное съ мужемъ, оставивъ маленькаго сына въ Россіи; никогда не была она грустна, всегда была любима съ декабристами, по горда и възыскательна съ комендантомъ и начальниками острога. Когда мужей ихъ вмѣстѣ съ остальными товарищами перевели изъ Нерчинска въ Читу, княгиня Трубецкая и Волконская также послѣдовали за ними въ Читу, гдѣ онѣ соединились съ третьей женой декабриста Александрой Григорьевой Муравьевой, урожденной графиней Чернышевой. А. Г. Муравьева, оставивъ въ Россіи двухъ дочерей и сына, поѣхала за мужемъ въ Сибирь, желая раздѣлить съ нимъ все его невзгоды и испытанія. Но ее, какъ и жёнъ всѣхъ декабристовъ, ждало разочарованіе: она только два раза въ недѣлю по часу видѣла мужа. Она напала себѣ домикъ противъ стараго острога, жила въ немъ одинокая и чтобы увидать мужа хоть издали, сама ходила закрывать и открывать ставни своего домика. Она старалась быть спокойною и весело при видѣ мужа, одна же страшно тосковала по дѣтямъ: сынъ Муравьевыхъ черезъ годъ умеръ въ Россіи, а дочери лишились здоровья безъ надзора матери. Здоровье А. Г. ослабѣвало и она, дождавшись соединенія съ любимымъ мужемъ въ Петровской тюрьмѣ, черезъ четыре года, — тамъ нашла свою могилу.

Читинскій острогъ, гдѣ были заключены декабристы. (По современному рисунку декабриста Анненкова).

Съ Муравьевой въ одною ночь жила Елизавета Петровна Нарышкина, урожденная графиня Коновницкая, затѣмъ къ нимъ прѣехали Александра Васильевна Ентальцева, Наталья Дмитриевна Фовина, Александра Ивановна Давыдова, Прасковья

Шельки, для большаго онѣ устроили больницу. Жители Читы 4 августа 1830 г. провожали декабристовъ и ихъ жёнъ со слезами, съ пожеланіями и съ благословеніями. Прѣбываніе декабристовъ доставило читинцамъ и матеріальныя выгоды: въ видѣ нарасходованныхъ декабристами денегъ. Кроме того въ пользу читинцевъ остались хорошіе дома: коменданта, кн. Трубецкой, Волконской, Анненковой.

(Продолженіе будетъ).

Е. Г.—ва.

Изъ сибирской старины.

Къ жизни сибирскаго губернатора кн. Матвѣя Гагарина.

Дѣло сибирскаго губернатора кн. Матвѣя Гагарина представляетъ одну изъ наиболѣе яркихъ иллюстрацій безграничнаго произвола столь обыкновеннаго для Сибири прошлаго времени. Сибирская жизнь въ XVII и значительной части XVIII в. характеризуется тѣмъ, что на первомъ планѣ стоятъ тогда чисто-матеріальныя, экономическіе вопросы и интересы; всѣ злоупотребленія того времени, какъ показываютъ дошедшіе до насъ «списки», имѣли наизусть своимъ стимуломъ и экономическія отношенія своей почвой. Къ числу такихъ тишинныхъ дѣлъ принадлежитъ и процессъ кн. Гагарина, отличающійся отъ другихъ ему подобныхъ лишь продолжительностью и размѣрами злоупотребленій, что обуславливалось прерогативами прежней губернаторской власти. Слѣдственное дѣло о злоупотребленіяхъ кн. Гагарина велось съ 1719 по 1721 г. и заключается въ двухъ огромныхъ

связкахъ (1848 и 1082 листъ), хранящихся въ московскомъ архивѣ м-ва иностр. дѣлъ. Еще въ 1702 г. кн. Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, бывшій тогда нерчинскимъ воеводой, привлекался къ суду и фигурировалъ въ розсыскомъ дѣлѣ Подлинскаго и Берестова. Послѣ долговременнаго тюремнаго заключенія кн. Гагаринъ былъ казненъ въ Петербургѣ весной 1721 г., о чемъ упоминается, между прочимъ, и въ известномъ запискѣ Берггольца. Приводимый ниже указъ «дочитываеть» всѣ его вины

Великаго государя царя и великаго князя всей Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца указъ бригадиру и лейбъ-гвардіи майору Ивану Ильичу Дмитріеву Мамонову съ товарищомъ*).

По именному его великаго г.—ри указу правительствующему сенату, слушавъ выписокъ, которыя внесены отъ васъ за вашими руками по розсыскѣ о князѣ Матвѣѣ Гагаринѣ, въ которыхъ вины его написаны: въ первой, въ 716 г., что онъ по указу изъ сената для отпуску за море на Влгдѣйскую купную холстѣ утаилъ и по тому указу отпуску хлѣба въ томъ году не пополнилъ и изъ онаго нѣсколько роздалъ иноземцамъ, а за что и по каковой цѣнѣ, не объявилъ, а достателъ роздалъ иноземцамъ же будто за взятая алмазныя вещи, а тѣмъ вещамъ и хлѣбу записныхъ покупуемыхъ книгъ не держалъ и изъ тѣхъ алмазныхъ вещей бралъ себѣ; по второй, того же 716 г., что велѣлъ братъ Крутихову казенныхъ денегъ и товары на свои расходы и книги приходныя и расходныя, взявъ у него, кинулъ; въ третьей, въ 716 году о взяткахъ за отдачу на откупъ винной и пивной продажи и другихъ сибирскихъ городовъ съ жителей; въ четвертой, въ 717 г. о угрозытельномъ къ купчинѣ Гусейникову письмѣ и о воровской имъ самимъ составной цѣдулѣ о присылкѣ къ нему китайскихъ подарковъ, что было къ нему и послано; въ пятой, съ 709 по 718 году о взяткѣ у купчины Карамышева казенныхъ товаровъ и заплатѣ того же взятка переводными письмами казенными деньгами, которая воровствомъ своимъ получала за вятскій хлѣбъ, и что онъ тѣмъ переводнымъ писемъ въ сибирскомъ приказѣ записывать не велѣлъ; въ шестой, за взятке у генерала князя Якова Федоровича Долгорукова въ китайскій торгъ, не объявивъ, товаровъ и не дождался купчины съ караваномъ и выдѣлъ вдвое денегъ всѣхъ

* Московскій Галлѣйскій архивъ м-ва иностр. дѣлъ, портфель Матвѣя, № 497, т. 1.

Декабристы на работѣ. (Копія съ рисунка 20-хъ годовъ).

именно въ Нерчинскъ; тамъ онѣ, выросшія въ роскоши и богатствѣ, сами стирали бѣлье, мыли полы, питались хлѣбомъ и квасомъ и только изрѣдка и ненадолго видѣли своихъ мужей, ради которыхъ онѣ прѣехали. Говорятъ, что княгиня Ек. Ив. Трубецкая не обладала красивою наружностью, но доброе сердце и высокая образованность ума, дѣлявшая плодомъ разборчиваго чтенія, путешествій и жизни въ чужихъ краяхъ, сближенія съ знаменитыми людьми своего времени, — все это привлекало къ ней людей. Княгиня М. Ник. Волконская, молодая, стройная, болѣе высокаго, чѣмъ средняго роста, бронкетка съ горящими глазами, съ гордою, плавною походкой, — дѣлала также всѣ

Григорьевна Анненкова (послѣдняя прѣехала еще невѣсткой въ Читу къ своему будущему мужу) и Анна Розенъ.

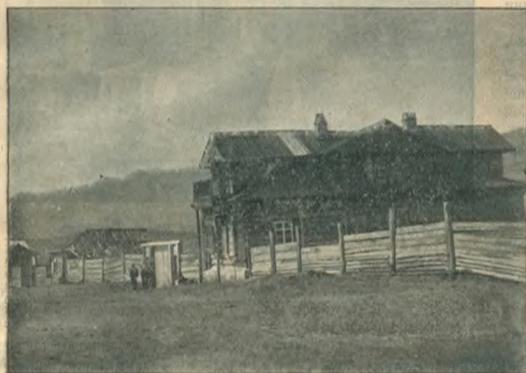
Хотя рѣдкія свиданія, разрѣшаемая начальствомъ и происходившія въ присутствіи дежурнаго, и ставили супругу въ тягостное положеніе, но прѣбываніе жёнъ нѣко самое благотворное вліяніе на всѣ ихъ бытъ. Декабристамъ была совершенно запрещена всякая переписка и сношеніе съ миромъ внѣ острога, жены же ихъ постоянно переписывались съ родными и письмами своими, вліяніемъ и радостно очень помогали мужьямъ. Онѣ хорошо относились и къ мѣстному населенію: для всѣхъ нуждающихся были открыты ихъ ко-

сполна, въ томъ числѣ изъ губернаторскихъ 10.000 рублей, къ тому же и изъ выхвѣта въ тотъ же китайскій торгъ изъ военной касселлерии денегъ изъ 50.000 рублей, не посылая изъ тотъ торгъ 24.000 рублей; въ сельской, съ 714 по 717 г. о трехъ алмазныхъ перстняхъ и о алмазѣ въ гнѣздѣ, которые куплены на взятые въ китайскій торгъ отъ комнаты государини царицы и вел. кн-ни Екатерины Ал—ны деньги, и въ повинной написали, что онъ тѣ алмазы хотѣлъ употребить себѣ; въ восьмой, 769 и 712 г. о кражѣ изъ каравана купчины Худкова товаровъ себѣ и что изъ оныхъ дарилъ другихъ и принялъ тѣхъ каравановъ у того купчины книги сжегъ, и во всемъ вышеписанномъ виновна. А въ именномъ царскаго величества указѣ 714 г. декабря 24 дня напечатано, дабы въ дѣлѣ приставленные не держали никакихъ посуловъ казенныхъ и съ городовъ собираемыхъ денегъ брать торгомъ, подрядомъ и прочими вымыслами, а кто дерзаетъ оное учинить,

дѣляя зимы отправить изъ пароходѣ и баржахъ хлѣбъ, сливочное масло, шерсть и прочіе товары. Я съ любовію смотрѣла на эту оживленную работу, пока пароходъ подходилъ къ пристани. Но вотъ мы причалили, мой небольшой багажъ спешит на берегъ матросъ и я стала расправлять, какъ попасть къ Смолинскимъ, къ которымъ пришла на урокъ. На пристани оказался свободная телѣга и мужичекъ вызвался меня отвезти. Мы поѣхали по грязной длинной улицѣ, гдѣ рядомъ съ новыми большими домами торговцевъ и богатыхъ крестьянъ попадались жалкія дачуги. Вотъ и домъ Смолянкина. Высокія тесовыя ворота, высокой забора. На улицу выходилъ шестью окнами одноэтажный домъ въ пять комнатъ, ставни расписные, деревенскіе; на обширномъ грязномъ дворѣ стоятъ крестьянскіе возы, около нихъ распряженные лошади флятъ сѣно. По случаю обфаны разруганна воязовъ прекращена. У проходившей по двору женщины я спросила, какъ пройти въ комнаты и до-

къ прямой моей задачѣ. Разспросы Маланьюшки еще не окончились, какъ во дворѣ въѣхала телѣжка, на которой вернулись Смолянкины изъ деревни. У меня екнуло сердце. Чего же это я боюсь, думала я, точно передъ экзаменомъ! Но вѣстки волноваться не перестала. Маланьюшка уѣжала изъ комнаты въ кухню, очевидно сообщила хозяевамъ о приѣздѣ „учительши“, такъ какъ мое присутствие въ комнатѣ не оказалось неожиданнымъ.

Въ комнату вошла высокая, унитанная женщина съ прайдничьимъ выраженіемъ лица, изъ-за нея болязнь выглядывали дѣтъ дѣвочка—мой ученица. Смолянкинъ явился потомъ. Онъ что то громко кричалъ по дворѣ—очевидно бранился, такъ какъ это онъ дѣлаетъ часто, когда начинаетъ заниматься хозяйственными дѣлами.—Счастлива ли доѣхали? съ прайдничьимъ—заговорила Смолянкина (зовутъ ее Дарья Дорждитовна).—Значитъ, не забудь Акимъ Петровичъ (это Сухопаровъ, о которомъ ты

Чита. Домъ декабриста С. П. Трубецкаго (снимокъ 1883 года).

Чита. Домъ декабриста Н. А. Бестужева (снимокъ 1883 года).

то весьма жестоко на тѣлѣ наказанъ, всего имѣнія лишентъ, шельмованъ и изъ числа добрыхъ людей изверженъ или и смертю казненъ будетъ. И по тому его вел. г-ря именнымъ указу за вышеписанными многія воровства его князя Матвѣя Гагарина приговорили согласно казнить смертю.

(Подписи: оберъ-секретарь Иванъ Позниковъ, нотаріусъ Петръ Елесовъ. Апрѣля 30 дня 1721 г.).

Сообщилъ П. М. Головачевъ.

По публикаціи.

(Прозаическія, — см. № 221 иллюстр. прил. „С. Ж.“)

II.

Недѣля черезъ три послѣ отъѣзда Нины Сибириевой, подруга ея Вѣрочка Малыхъ получила объемистое письмо.

„Дорогая Вѣрочка, писала Нина, исполняя данное обѣщаніе и буду разсказывать все подробно. Когда пароходъ отходилъ отъ берега и я стояла на борту, а ты махала мнѣ платкомъ съ пристани, мнѣ очень загрустнулось.

Мнѣ стадо жаль покидать городъ, гдѣ мнѣ хотя жилось и не всегда хорошо, но гдѣ у меня все таки есть хорошіе знакомые и друзья; мнѣ было жаль разставаться съ тобой, моя Вѣрочка, и уѣзжать къ чуждымъ людямъ, которые Богъ знаетъ какъ отнесутся ко мнѣ, какъ примутъ меня. Ободрила меня лишь одна надежда, что это необходимо, что безъ этого я не могла бы осуществить свои мечты. Думала я и о моей блѣдой старушкѣ мамѣ. Вѣдь я не спросила ея согласна ли поѣхать—не было времени. Что она скажетъ, одобритъ ли мой поступокъ, или пожуристъ меня за него. Пожалуйета, напиши ей нѣсколько строкъ, успокой ее и скажи, что я уже настолько взрослая и самостоятельная, что боюсь за меня нечего. Сообщи тебѣ, но это, смотри, секретъ, что временами теперь меня беретъ раздумье, съмулю ли я выдержать почти годъ жизни въ той обстановкѣ, въ которую я попала... но буду послѣдовательна и буду тебѣ разсказывать подробно. Не буду описывать поѣздки на пароходѣ—она мало интересна. Погода стояла холодная и дождливая, рѣка была грязно-мутная, пассажировъ было мало и все не интересное.

На третій день—это было воскресенье—во время обфаны пароходъ подошелъ къ селу Каменскому. Это большое торговое село на берегу Оби. Вдоль берега тянутся громадные хлѣбные амбары, на пристани большое оживленіе—свѣшать до наступ-

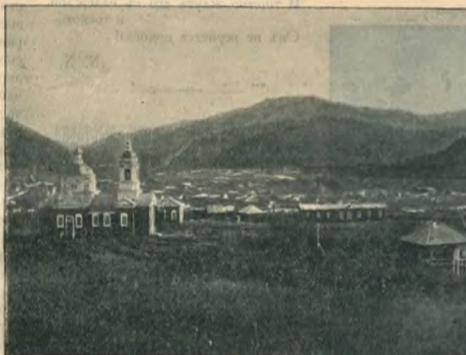
маля хозяева? Она, очевидно, была удивлена моему приѣзду и, въѣсто отвѣта, сдѣлала недоумывающее лицо и спросила: „въ отведеное же будете? нашто вамъ хозяевъ-то? Принуждена была отрешиться, и тогда лицо женщины—она оказалась стрѣлкой Маланьюшкой—расплылось въ пріятливую улыбку.

— Стало быть вы и будете учительша, что хозяева то знакомыю своему наймовать заказывали для Настеньки да Машеньки? Пожадуйте въ горницу, хозяева то къ обѣднѣ уѣхали; третій звонокъ

знаешь) нашу докуку, розыскалъ учительшу. Ну, да въсьхъ разговорѣ нашихъ я описывать не буду. Характеризую тебѣ въ нѣсколькохъ словахъ почтенную Дарью Дорждитовну. Это весьма хозяйственная и экономная особа. Въ будни она встаетъ рано, да и вообще всѣ мы живемъ по деревенски и тогда же принимаемся за хозяйство. А хозяйство это обширное: коровы, овцы, свиньи, куры, утки, гуся. Бѣдная Маланьюшка тащитъ на своихъ плечахъ огромный возъ. Хотя и сама хозяйка не сторонится отъ черной работы, но вѣстакі главный грузъ лежитъ на Маланьюшкѣ, и она молчаливо, безропотно выслушиваетъ хозяйскіе окрики. Въ работѣ проходитъ цѣлый день, къ вечеру все въ дождѣ успокоивается и Дарья Дорждитовна заваливается спать. Въ будни Дарья Дорждитовна ходитъ въ довольно неряшливомъ костюмѣ и очевидно не заботится о своей вѣнности, такъ что ее легко принять за кухарку. Но зато въ праздники она разнаряжается въ яркія платья съ претензіей на модный покрой, на голову надѣваетъ лиловую атласную шапку, а на руки громадное количество колецъ и браслетовъ. Тогда у нея на лицѣ какое то праздничное свѣщеніе. На „воспитаніе“ дѣтей она не обращаетъ вниманія. Она хорошо и дѣлаетъ. Развѣ можетъ воспитывать неграмотная женщина, у которой совсѣтъ извращенныя понятія, какъ о дѣтяхъ жизни, такъ и средствѣхъ воспитанія. Цѣль жизни для нея—это богатство и свѣланная съ нимъ почеть.

Своихъ дочекъ она желаетъ видѣть уже не простыми крестьянками, а барышнями и теперь уже мечтаетъ выдать ихъ замужъ за „благородныхъ“. Она мнѣ откровенно объяснила цѣль ея обученія и когда я ей замѣтила, что и въ простомъ классѣ бывають люди „благороднѣе“ по своимъ чувствамъ, чѣмъ гѣ-которые въ томъ, который она считаетъ „благороднымъ“, то она мнѣ возразила: „это правда, малянка, но простей то, какъ бы онъ хороше не былъ, а слышь и рядомъ бѣднота, а благородный то, коли свои дѣла у него не пошли, онъ всегда себѣ службу хорошею достанетъ и почеть ему будетъ, мужики будутъ кланяться“.

Самъ Смолянкинъ—это деревенскій разбогатѣвшій торговецъ. Онъ очень дѣятельный человѣкъ. Ведеть большую торговлю хлѣбомъ, масломъ, мясомъ и другими деревенскими товарами. Въ средствѣхъ онъ, видимо, очень неразборчивъ. Мнѣ уже приходилось за мою недалогую жизнь у Смолянкиныхъ слышать жалобы нѣкоторыхъ крестьянъ, продавшихъ Смолянку хлѣбъ. Они говорили, что, должно быть, вѣсъ у Смолянкина невѣрный, что, по ихъ расчету, хлѣба должно быть больше. Смо-

Село Тоуракъ.

былъ, скоро надо имѣт домой быть, у меня ужъ и самоваръ налаженъ.

Женщина провела меня въ комнату, которая у Смолянкиныхъ служила столовой, несла мой багажъ и, прислонившись къ притолкѣ и подперши „по бабнѣ“ ладонью правую щеку, стала меня распрашивать о дѣлахъ, о моихъ родныхъ, надолго ли пришла. Скажу тебѣ, это удивительно кроткая, незлобивая „русская баба“. Я подружила съ ней. Въ разсказахъ Мамина-Сибиряка я встрѣчала такіе типы русскихъ женщинъ. Мужъ ея былъ взятъ въ солдаты дѣтъ 10 тому назадъ и отправленъ во Владивостокъ. По окончаніи службы онъ остался тамъ и, кажется, не думаетъ возвращаться. Пишетъ ей иногда письма и въ каждомъ проситъ денегъ. Она плачетъ, сама ему проситъ писать трогательныя письма, зоветь домой, съѣзжаетъ, что онъ ее забылъ и посылаетъ ему почти всѣ деньги, которая получаетъ. Впрочемъ, что это я пишу! Отвлеклась въ сторону. Вернусь

линии раздражался, кричал, что вѣдь они сами видѣли, какъ хлѣбъ вѣшивали и если сомнѣвались въ вѣрности вѣсовъ, то могли ихъ проверить. —Такъ-то это такъ, возражали мужики, а все-же въ вѣсахъ видно фальшь была. —Они требовали проверки вѣсовъ и Смолянкинъ ходилъ съ ними въ амбаръ. Что то долго они тамъ кричали и спорили. Я подозрѣваю, что мужики были правы. Смолянкинъ постоянно запитъ расчѣтами, шелкаетъ часто по вечерамъ на счетахъ, дѣлаетъ записи въ книгахъ и весь погружается въ думы о барышахъ. Онъ ничего не читаетъ. Вся библиотека его состоитъ изъ календаря и романа Загоскина «Юрій Милославскій». Но и эту книжку онъ не прочиталъ до конца, такъ какъ она не вся разрѣзана. У насъ здѣсь въ домѣ вѣтъ ни одной газеты, такъ что я не знаю, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Пожалуйте, подпиши на два мѣсяца для меня на нашу газету; потомъ я вышлю деньги, какъ разработаетъ. —Дѣвочки, мои ученицы, учились рагбѣ у псаломщика. Обучалъ онъ ихъ немногому, часто пропускалъ уроки, и сами Смолянкины признали его негоднымъ учителемъ. Дѣвочки довольно симпатичны, но не знаю, не испортится ли онѣ въ этой родительской средѣ. Ты знаешь сама, какое значеніе для дѣтей имѣетъ окружающая обстановка. А здѣсь она очень неважная. По праздникамъ бывають гости,такіе же торговцы, какъ и Смолянкины. На столѣ появляется выпивка, закуски. Разговаривають о хлѣбѣ, о деньгахъ, барышахъ, лавкахъ, покупкахъ и продажахъ. Иные гости упииваются, кричатъ, борочуть что-то несвязное, хвастають другъ передъ другомъ. Все это ужасно противно и дѣти все это видятъ и слышатъ.

Въ день прѣзда моего я все это увидѣла. Смолянкины, очевидно, хотѣли похвастаться передъ другими, что у нихъ появилась «учительша» для ребятъ, что у другихъ этого вѣтъ. Они мене показывали гостямъ, какъ какого-нибудь заморскаго звѣря и мнѣ, конечно, было очень неловко.

Я поселилась въ одной комнатѣ съ моими ученицами, рядомъ со столовой. Пока ужасно скучно, такъ какъ не съ кѣмъ вымолвить живого слова. Съ Смолянкиными у мене были уже двѣ размолвки. Однажды мы всѣ сидѣли за вечернимъ чаемъ. Смолянкинъ началъ говорить, что нынѣ нельзя жить по правдѣ, что необходимо, живя съ людьми, хитрить и быть себѣ на умѣ. Онъ сталъ это доказывать примѣрами. Я возражала и доказывала, что жить правдой не только можно, но и должно, что еслибы всѣ жили по правдѣ, то не было бы на свѣтѣ столько обиженныхъ и несчастныхъ. Дѣвочки все это слушали. Онѣ, конечно, еще мало понимаютъ въ такихъ разговорахъ. Когда же онѣ ушли изъ стола въ другія комнаты, я заявила Смолянкинымъ, что, по моему мнѣнію, нехорошо при дѣтяхъ проповѣдывать житіе неправдой и хитростью. Смолянкины оба обидѣлись на мене за это замѣчаніе. «Дѣти наши» —заявилъ мнѣ Смолянкинъ, —и учить ихъ уму-разуму должны мы

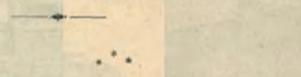
Я запротестовала противъ такой расправы, такъ мнѣ возмущившей, и съ матерью у мене вышла бурная сцена.

Она тогда глубоко была возмущена моимъ вмешательствомъ въ ея отношеніи къ дѣтямъ. Съ ней въ дѣтствѣ обращались также, о чемъ она мнѣ и сообщила, а вотъ «ничего худого не вышло». —Я не хочу своимъ дѣтямъ потачки давать, я хочу, чтобы дѣти слушались родительскаго слова, чтобы не смѣли родителей обманывать! —кричала она. Смолянкинъ конечно принялъ сторону жены и мнѣ пришлось выдержать штурмъ. Однако, на другой день, видя, что дѣвочка жалуется на боль въ ухѣ, Смолянкины стали капитулировать. Дарья Дормидонтовна призналась, что, действительно, ужъ слишкомъ руки разошлись, досада взяла, но что она добра вѣдь дѣтямъ желаетъ. Я же заявила, что тоже желаю имъ добра, что такъ ихъ можно сдѣлать уродами. Но едвали мнѣ все-таки удалось поколебать теоріи воспитанія Смолянкиныхъ.

Однако, пора кончатъ письмо, оно вышло уже очень большимъ. —Да, тяжело мнѣ, дорогая Вѣрочка! И если я еще подумаю, что впереди еще цѣлые мѣсяцы такой жизни, то, право, хочется плакать, хотя и сознаю, конечно, что слезами дѣду не поможешь. Прощай, до другого раза. Пиши мнѣ подробно.

(Описание картины).

Ефремовскій.

Оставь и забудь одинъ на бранномъ полѣ... Израненный, безъ силъ, онъ умеръ наконецъ... Въ послѣдніе часы—какія силы были Иваша онъ, невѣдомая бояго!..

Быть можетъ у него на родинѣ есть мать. Покинутая имъ и въ нищетѣ, и въ горѣ И будетъ ждаль она его—все будетъ ждаль. Пока хоть капля слезъ бѣснётся еще во взорѣ? Быть можетъ, изучая надеждою и страхомъ Ждутъ вѣсточку о немъ и дѣти и женѣ? А онъ въ чужихъ поляхъ ужъ сталъ могильнымъ прахомъ,

И стая вороновъ надъ прахомъ тѣмъ видна!.. Ждаль будетъ пахаря и полоса родная— Вотъ вотъ по ней онъ вновь пройдетъ съ своей сохой Заволотъ вновь, какъ прежде, рожь густая И вѣтерокъ по ней прокатится волной.

Но отнятый у нихъ слѣпой судьбой Онъ на нивѣ погибъ,—другъ мирнаго труда. И тѣшно ждуть его съ надеждой и тоскою, Онъ не вернется никогда!

Сельско-хозяйственная выставка въ с. Тоуракъ. Кустарный отдѣлъ.

года въ селѣ Тоуракъ на Алтаѣ. Всѣ три выставки были въ селахъ; это выставки крестьянскія.

Тоуракская сельскохозяйственная выставка устроена, при субсидіи въ 250 руб. со стороны Министерства Земледѣлія, мѣстнымъ сельскохозяйственнымъ обществомъ, однимъ изъ наиболѣе живыхъ и энергично работающихъ с.х. обществъ губерніи. Программа выставки включала полеводство, рогатый скотъ, пчеловодство, огородничество и кустарные промыслы. Открылась выставка 5 сентября, послѣ молебна, совершеннаго свѣц. о. Дагаевымъ, который затѣмъ въ прекрасной рѣчи, обращенной къ прихожанамъ, ясно и убедительно изложилъ значеніе выставки.

Не смотря на то, что выставка устроена была обществомъ впервые, по количеству экспонатовъ она должна быть признана удовлетворительной. Экспонировалъ почти исключительно крестьяне с. Тоурака. По отдѣлу полеводства выставлены были хлѣба въ зернѣ и снопахъ 32 хозяйствами, въ отдѣлѣ молочнаго скота—16 коровъ, по огородничеству—36 коллекцій овошей, по пчеловодству—17 экспонатовъ, по кустарнымъ издѣліямъ (главн. образ. женскіе рукодѣлія)—32 вѣни. Выставленный скотъ обращалъ на себя вниманіе обильнымъ содержаниемъ жира въ молокѣ. Изъ хлѣбовъ чрезвычайно интересными явились мѣстные сорта, въ частности пшеница «алевская». Удивительно хороши были овощи, крупяные, прекраснаго качества. Съмена огородныхъ растений лучшій сортотипъ были выписаны и распространены среди крестьянъ Тоуракскимъ с.х. обществомъ.

Оживленно прошли бесѣды по рангаго рода вопросамъ сельскаго хозяйства, которыя велась съ крестьянами во время выставки Тоужскимъ правительственнымъ агрономомъ Н. Н. Марфинскимъ и инструкторомъ по с.х. части А. Я. Флоренскимъ, первымъ по полеводству—объ улучшеніи мѣстныхъ сортовъ хлѣбовъ, о борьбѣ съ сорняками травами, о парѣ и т. д.; вторымъ по скотоводству—о выращиваніи молодняка, о содержаніи взрослагаго скота, о болѣзняхъ скота и пр. И темъ бесѣдъ, указанными самими крестьянами и опытъ въ веденіи хозяйства мѣстныхъ крестьянъ, среди которыхъ явились многіе переселившіеся изъ разныхъ губерній Евр. Россіи, принесъ сюда свои способы веденія хозяйства и въ болѣе разнообразнѣ испытаніи ихъ здѣсь при одинаковыхъ условіяхъ,—способствовало оживленному общему мнѣнію и вызвало къ бесѣдамъ крупный интересъ.

Выставка закрылась 8 сентября по объявленіи о присужденнѣхъ экспертною комиссіею наградахъ.

Н. Волжскій.

Редакторъ Издатель П. Манушинъ.

Сельско-хозяйственная выставка въ с. Тоуракъ. Отдѣлы полеводства, огородничества и пчеловодства.

первѣе всего и постороннему тутъ не дѣло вмешиваться».

Это сказано было такимъ тономъ, что мнѣ пришлось прекратить разговоръ и постараться поскорѣе уйти.

Въ другой разъ моя меньшая ученица безъ спроса матери стащила изъ шкафа блюдо съ вареньемъ, которое и съѣла, блюдо же разбила, конечно, нечаянно. Узнавши объ этомъ, Дарья Дормидонтовна такъ ударила дѣвчурку по головѣ и такъ больно ее выдрала за ухо, что бѣдная проплакала цѣлый часъ и потомъ на завтра еще жаловалась на боль въ ухѣ.

либо отрасли его въ извѣстномъ районѣ, картину полную, представивъ хозяйство такъ, какъ оно есть —со слабыми и сильными сторонами. Сравненіе, внимательное ознакомленіе съ постановкой дѣла въ разнаго рода хозяйствахъ, бесѣды спеціалистовъ, засѣданія хозяевъ для обсужденія интересующихъ ихъ хозяйственныхъ вопросовъ—все это способствовало уясненію причинъ настоящаго положенія извѣстнаго хозяйства, получить указанія науки и практики относительно пути и средствъ къ его улучшенію. Награды и преміи, выдаваемыя на выставкахъ, вызываютъ съ одной стороны соревнованіе въ работѣ по улучшенію хозяйства, съ другой